

УДК 398+811.512.142

DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-6-369-381

EDN: YJBXUN

Научная статья

Функциональная роль алгышей (благопожеланий) и каргышей (проклятий) в карачаево-балкарских историко-героических песнях

Ж. М. Локьяева

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. В статье проводится анализ функционирования благопожеланий и проклятий в карачаево-балкарских историко-героических песнях. Отмечается, что они служат индикаторами моральных ориентиров, социальных норм и исторической памяти, демонстрируя представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, а также о народных идеалах в различные исторические эпохи. Материалом для исследования послужили тексты заявленных жанров, выявленные методом сплошной выборки. Благопожелания и проклятия в историко-героических песнях являются важными инструментами социальной коммуникации, укрепляющими коллективную память и этноидентичность, а также оказывающими влияние на формирование ценностных ориентиров в традиционном обществе. Исследование показало, что в анализируемых текстах сохраняется значительный объем закодированной информации, отражающей языковую и этническую картину мира карачаевцев и балкарцев. Кроме того, оно будет способствовать более глубокому пониманию символической функции *алгышей* и *каргышей* как выразительных средств в историко-героической поэзии и их воздействия на реципиента в части осмысления исторических событий и уроков нравственности.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, историко-героические песни, благопожелания, проклятия

Поступила 15.10.2024, одобрена после рецензирования 21.11.2024, принята к публикации 03.12.2024

Для цитирования. Локьяева Ж. М. Функциональная роль алгышей (благопожеланий) и каргышей (проклятий) в карачаево-балкарских историко-героических песнях // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2024. Т. 26. № 6. С. 369–381. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-6-369-381

Original article

The functional role of algysh (benevolence) and kargysh (curses) in Karachay-Balkar historical and heroic songs

Zh.M. Lokyaeva

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. The article analyzes the functioning of benevolence and curses in Karachay-Balkar historical and heroic songs. It is noted that they serve as indicators of moral guidelines, social norms and historical memory, demonstrating ideas about good and bad, justice and injustice, as well as folk ideals in various historical epochs. The texts of the declared genres, identified by the continuous sampling method, served as the material for the study. Benevolence and curses in historical and heroic songs are

important tools of social communication, strengthening collective memory and ethnic identity, as well as influencing the formation of value orientations in traditional society. The study showed that the analyzed texts retain a significant amount of encoded information reflecting the linguistic and ethnic picture of the world of the Karachais and Balkars. In addition, it will contribute to a deeper understanding of the symbolic function of lgysh and kargysh as expressive means in historical-heroic poetry and their suggestive impact on the recipient in terms of understanding historical events and moral lessons.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, historical and heroic songs, benevolence, curses

Submitted 15.10.2024,

approved after reviewing 21.11.2024,

accepted for publication 03.12.2024

For citation. Lokyaeva Zh.M. The functional role of algysh (benevolence) and kargysh (curses) in Karachay-Balkar historical and heroic songs. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2024. Vol. 26. No. 6. Pp. 369–381. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-6-369-381

ВВЕДЕНИЕ

Карачаевцы и балкарцы на протяжении многих столетий создавали песенный фольклор, который отличался жанровым многообразием. Народная поэзия горцев отражает глубокие культурные и исторические традиции, охватывая широкий спектр тем – от героических подвигов до философских размышлений о жизни и смерти.

Важной частью устной традиции этноса являются историко-героические песни, игравшие ключевую роль в сохранении и передаче культурных, моральных и социальных ценностей. В этих фольклорных эпических и лиро-эпических повествованиях «... воспевается история народа. Эти песни имеют историческую мотивировку, описывают реальных личностей, отображают конкретные территориальные названия» [1, с. 473]. Также они выполняют значимые функции, связанные с выражением народной этики и социальной оценки различных явлений. Возникая в разные исторические эпохи, они претерпевали изменения, утрачивая в некоторых случаях свою актуальность, но продолжали существование, обретая новую духовную жизнь и отражая изменения в социокультурном пространстве. В прошлом эти произведения существовали исключительно в устной форме, с циклическостью появления и исчезновения, и со временем стали значимым элементом культурного наследия, сохраняющим актуальные ценности в течение столетий.

Историко-героические песни представляют собой ценнейший источник, зафиксировавший ключевые события социальной и антифеодальной борьбы, междоусобиц, войн, депортаций и других значимых исторических эпизодов; в своей основе они содержат элементы героизма отдельных личностей, народного сопротивления. Концепт воина остается доминирующим на всем протяжении эпико-героической истории народа, «инициирующим началом его поступков становятся... конкретные (социально-глобальные) мотивы – защита угнетенных, защита родной земли и другие» [2, с. 261]. Следует отметить, что исторические песни служат не только частью фольклорного наследия, но и важным инструментом для исследования социальной и политической динамики соответствующего времени.

Исследованию данной разновидности песенного фольклора карачаево-балкарского народа посвящен ряд научных работ Х. Х. Малкондуева («Поэтика карачаево-балкарской народной лирики» [3], «Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII вв.)» [4]), М. А. Хубиева («Карачаево-балкарские народные песни советского периода» [5]), Р. А.-К. Ортабаевой («Карачаево-балкарские народные песни» [6]), А. И. Рахаева («Песенная эпика Балкарии» [7]) и др. В обозначенных трудах объектами научного интереса стали главным образом тематический диапазон, внутрижанровая классификация, содержательные, композиционные и художественно-стилевые особенности, изобразительно-

выразительные средства историко-героических песен и т.д. Тем не менее многие аспекты все еще требуют более детального, углубленного изучения. К числу таковых можно отнести и вопросы межжанровой диффузии, включения элементов и даже отдельных текстов (поговорок, пословиц, клятв и т.п.) в произведения более крупных жанровых форм.

Историко-героические песни представляют собой своего рода «героический репортаж», отражающий реальные события из жизни народа. Достоверность и документальность их содержания во многом объясняются отсутствием письменных летописных источников, которое в определенной мере компенсировалось песнями, выполнявшими функцию исторической хроники.

Основными элементами жанра историко-героических песен являются морально-этические нормы и принципы, которыми руководствовались народные сочинители и рассказчики. В произведениях акцент делается на изображении героев, ключевых событий и описании окружающей местности.

В историко-героических песнях нашли отражение и межэтнические контакты карачаевцев и балкарцев, что выражается не только в наличии произведений, посвященных отдельным событиям истории соседних народов, взаимодействию с ними в условиях противостояния внешним врагам, а также внутренним конфликтам, но и в бытовании различных вариантов одних и тех же песен в их этносреде. Как отмечал Х. Х. Малкондуев, «исключительная схожесть, а порой и общность ряда дигорских и карачаево-балкарских песен историко-героического характера, таких как "Песнь о Сары Асланбек Кайтукине", объясняется не только географической близостью этих народов, что способствует взаимному восприятию и заимствованию культурных элементов, но и их этнической близостью, что особенно проявляется в случае дигорцев и балкарцев» [4, с. 12]. Особое внимание в подобных произведениях уделялось теме дружбы и добрососедства, взаимопомощи [8]: «Примером такого культурного взаимопонимания служат героико-исторические песни "Аче улу Ачезез" и "Азнаур", повествующие о совместной борьбе адыгов и таулу (балкаро-карачаевцев) против крымских ханов, а также о дружбе и совместных подвигах героев из адыгской и балкаро-карачаевской этнических групп» [4, с. 14].

А. Бегиев, анализируя песни переселенческого фольклора, отмечает, что «... эти стихи и песни можно рассматривать как своего рода молитву – повторяемую самим автором для того, чтобы сохранить свою человечность, правду и внутреннюю целостность. Для них песня стала средством преодоления трагедии, борьбы за моральное и духовное самоопределение, попыткой передать свою правду в условиях угнетения и страха» [9, с. 5]. «Исторические песни ценны как поэтические памятники стойкости народа, его несгибаемости. По ним можно судить о восприятии народом беспрецедентного исторического события, об отношении к трагедии и путях ее преодоления» [10, с. 27]. Указанное актуализируется и в ряде работ лингвистической и культурологической направленности, посвященных анализу народной лирики, отражающей трагедию балкарского этноса в 1944–1957 гг. [11, 12].

Вполне естественно, что песнетворцы старались высказать свое отношение к излагаемым событиям, поступкам отдельных исторических личностей, попавших «в прицел» песни. Значительную роль при этом играло включение в текст благопожеланий и проклятий, выражавших соответственно одобрение или порицание создателя песни, а в его лице – и всего народа.

Исходя из этого основной целью данной статьи является анализ функциональной роли благопожеланий (*алгыши*) и проклятий (*къаргыши*) – значимых элементов художественно-изобразительной системы и поэтики – в историко-героических песнях карачаевцев и балкарцев.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Алгыши и *каргыши* оказывают значительное воздействие на формирование образов героев, их взаимоотношений, а также на восприятие событий, связанных с моральной оценкой действий персонажей. Это позволяет утверждать, что они занимают важное место в структуре произведений, способствуя не только эмоциональному насыщению текста, но и глубинному отражению ценностей народной культуры.

Использование проклятий и благопожеланий в карачаево-балкарских историко-героических песнях способствует углубленному раскрытию жизненных ситуаций персонажей и передаче интенсивности их переживаний, особенно в контексте ключевых событий. Эти элементы не только усиливают эмоциональную окраску текста, но и выполняют важную роль в формировании нравственных оценок происходящего, отражая моральные ценности и социальные установки народа. Благопожелания и проклятия помогают подчеркнуть трагизм, героизм, протест, надежду, утрату или жертвенность, что актуально для исторической и культурной реальности того времени. В целом они играют ключевую роль в создании эмоционального контекста произведений и раскрытии психологических и моральных аспектов изображаемых событий. «В фольклоре народов мира жанры благопожелания и проклятия относят к магической обрядовой поэзии, имеющей разнонаправленные векторы воздействия – от позитивного и созидательного до негативного и разрушительного – на определенный объект или явление, генетически связанные с архаическими жанрами заговоров и заклинаний» [13, с. 420].

Каргыши (проклятие) представляет собой словесную форму, которая выражает пожелания зла в адрес обидчика, а также служит средством осуждения греховных поступков. Однако не каждый человек способен оперативно придумать или использовать уже существующие проклятия, поскольку реакция на причиненное зло индивидуальна для каждого сочинителя песен. О человеке, произносящем проклятия без явных на то причин, говорят *ачыаууз* «со злым / горьким ртом», *кираууз* «с грязным ртом», *ауузунда ит ёлген* «(человек,) у которого во рту собака сдохла», что обозначает склонность человека к злословию и злобным высказываниям. Эти выражения метафорически указывают на наличие в речи такой личности негативных и ядовитых слов, которые, по народным представлениям, могут нанести ущерб окружающим. Такие фразы могут отсылать к популярному представлению о «темной» или «опасной» речи как носителе разрушительной силы, способной причинить вред как в прямом, так и в переносном смысле.

Однако проклятия отражают не только психологический аспект человеческих отношений в традиционном обществе, но и социальные нормы, регулирующие допустимые формы выражения эмоций и конфликтов. В то же время следует отметить, что жанр проклятий не регулируется жесткими нормами этикета, а их применение может быть связано с проявлением агрессии, негативных эмоций и моральной оценкой поступков адресата проклятия. Например:

*Къуруп къалгъы элле да,
Кючменни мыгау къоллары, ой, къоллары!* [14, с. 219].

Да отсохли бы
Кривые руки Кучмена, ой, Кучмена!*

*Здесь и далее, если не указано иное, подстрочные переводы наши. – Ж.Л.

В данном случае пожелание «*отсохли бы кривые руки*» произнесено с ярко выраженной злостью (агрессией), что предполагает наличие соответствующей эмоциональной энергии, которая сопровождает песню. Пожелания, будь то негативные или позитивные, всегда несут в себе энергию говорящего, и их воздействие зависит не только от слов, но и от интонации, контекста и психологического состояния того, кто их произносит. В народе верили, что в случае с негативными пожеланиями, такими как «*отсохли бы руки*», важно учитывать, что они могут оказывать отрицательное воздействие на адресата, если произнесены с намерением причинить вред. Однако если адресат не несет ответственности за ситуацию или не воспринимает слова как угрозу, данное пожелание может не оказать на него существенного влияния. Таким образом, эмоциональная окраска, вложенная в слова, играет решающую роль в их эффекте, а сам текст пожелания не всегда является решающим фактором в его воздействии. Важно также учитывать культурные и социальные контексты, в которых данные выражения приобретают дополнительную значимость и могут варьировать в своем воздействии в зависимости от восприятия и отношения к определенной ситуации.

*Ыстауаты малсыз къалып, Азнорну
Къош итлери улусун, ой, улусун,
Ултхагъа жыйгъан сюрюу къойлары
Ыстауаты бла къурусун, ой къурусун!*

*Жиляй къалгъанды Кюннюм элинде
Жашыуну тапхан анасы, ой, анасы,
Сокъур Азнорну къарнына кирсин,
Белиндеги кююш къамасы, ой, къамасы!* [Там же, с. 220].

Пусть стойбища Азнора останутся без скота
И завоют его овчарки, ой, овчарки,
Собранные за взятки стада его овец
Пусть вместе с его стойбищем сгинут, ой, сгинут!

Осталась плакать в селении Кюннюм
Родная мать Жашыу, ой, мать.
Пусть в живот слепому Азнору войдет
Серебряный кинжал, который висит у него на поясе, ой, на поясе!

Пожелания типа «*Пусть стойбища Азнора останутся без скота*», «*Пусть собранные за взятки стада овец сгинут с его стойбищ*», «*Пусть в живот слепому Азнору войдет серебряный кинжал*» направлены против главного героя, характеризуя его как несправедливого и аморального. Эти проклятия символизируют наказание за его злодеяния, включая потерю материальных благ и насилие, что подчеркивает моральное осуждение его и заслуженную кару в контексте народных нравственных норм.

*Кеси тенгли бир таш тюшге эди
Сени жойдургъан элинге!* [Там же, с. 386].

На твое село, которое дало тебе погибнуть,
Пусть упадет камень величиной с него (село)!

Проклятие «*Пусть упадет камень величиной с него*» адресовано всему поселению, а не конкретному лицу, и выражает осуждение за его пассивность и неспособность защитить героя. Такое пожелание символизирует коллективную ответственность и наказание за бездействие, ставшее причиной гибели защитника. Оно отражает моральные и этические

нормы, связанные с понятием социальной ответственности и ценности человеческой жизни в традиционном обществе, где нарушение коллективного долга воспринималось как серьезное преступление.

*Ой, башындагъы акъ къалпагъынгы,
Жамал, жел уруп, артха къайырды,
Къара къан жаусун Къалмукъ улуна,
Ол тенглерингден айырды. [Там же, с. 380].*

Ой, на голове твоей белую шляпу,
Жамал, ветер, подумав, загнул назад.
Пусть черная кровь прольется на сына Калмыкова,
Это он разлучил тебя с друзьями.

В данном случае проклятие «Пусть черная кровь прольется на Калмыкова» адресовано конкретному лицу и представляет собой форму наказания, выражающую глубокое осуждение за совершенное зло. В этом контексте использование «черной крови» как символа несчастья и гибели придает проклятию особую силу и эмоциональную нагрузку, указывая на крайнюю степень враждебности и неприязни к объекту зложелания. Процесс разлучения с друзьями в данном случае выступает не только как личная утрата, но и как нарушение важнейших социальных и моральных связей, что усиливает эмоциональную и этическую значимость этого проклятия в народной культуре.

Депортация оставила глубокий след в коллективной памяти народа, став трагическим событием, оказавшим огромное влияние на его культурное самосознание. В историко-героических песнях ярко выражены чувства стойкости, патриотизма народа, который несмотря на трагические испытания, сохранил непоколебимую любовь к родной земле и традициям. Через народные песни, используемые в них проклятия народ выразил свою ненависть к репрессиям, осудил жестокость и безжалостность политического режима:

*Тапхан балаларын къум тюзге кёме,
Сарнай къалгъан жарлы анала.
Ёлген аналаны ёшюнлерин эме,
Жилйй тургъан ёксюз балала.*

*Жиляулукъ болгъан а жарлы Къарачайгъа
Буслийман халкъ бары жилиясын.
Бу къыйынлыкъланы бизге уа сынатхан,
Бизнича, къыйынлыкъ сынасын! [15, с. 44].*

Своих детей хороня в песчаной степи,
Бедные матери рыдали.
Умерших матерей сосали холодную грудь
Плачущие дети-сироты.

Бедный Карачай, достойный оплакивания,
Весь мусульманский народ пусть оплакивает.
Пусть тот, кто поверг нас в эту напасть,
Испытает то, что мы испытали!

Таким образом, можно утверждать, что проклятия в народной поэзии играют важную роль в отражении эмоциональных и моральных переживаний народа. Они часто ассоциируются с осуждением жестокости, несправедливости, насилия и предательства, что делает

их значимым инструментом для выражения народного протеста и усиления социальной и политической позиции. Через них народ выражает свою боль, страдание и надежду на восстановление справедливости, а также на наказание тех, кто нарушает моральные и этические нормы, и они зачастую являются реакцией на угнетение, разрушение социального и культурного порядка, а также служат контекстом для осмысления исторических трагедий и социальных катастроф. В этом ключе проклятия становятся не только выражением личных чувств, но и коллективной памятью, фиксирующей народную оценку исторических событий, включая трагические моменты в истории народа [16].

Не менее важную, чем проклятия, задачу в историко-героических песнях выполняют и благопожелания (*алгыши*): являясь частью коллективного восприятия нравственных и духовных ценностей, они определяют идеал человека в традиционном обществе. В произведениях этой разновидности устной народной поэзии такие пожелания часто сопровождаются изображениями героических поступков и подвигов, служа завершающим аккордом в оценке заслуг персонажей:

*Сен кѳууанч бла сау келгин, Шукур,
Жарлы анангы кѳолуна.
Мен бауурумуну салырем, Азрет,
Кавказгѳа барлыкѳ жолунга.*

*Мамукѳдан болсун, Шукур, жолунг,
Жибек байлансын кѳолунга.
Азрет харип жатады, Шукур,
Жетикашарны жолунда [15, с. 154].*

Чтобы ты живым и здоровым вернулся, Шукур,
К бедной матери.
Я бы жизнь отдал, Азрет,
Дороге, которая тебя вернет на Кавказ.

Пусть ватной будет, Шукур, твоя дорога,
Шелковая нить будет привязана к твоей руке.
Бедный Азрет лежит, Шукур,
На дороге Жетикашар.

Значительное место в рассматриваемых песнях занимают благопожелания, связанные с надеждой на посмертное вознаграждение и почести для героев и праведников.

*Ой, жарлы Джаттай, ой, аллыбызда,
Кѳара ташдан, эрип, суу чыкѳсын,
Сен жатхан жерден, сени кѳабырындан,
Алтын мюйюзлю буу чыкѳсын [14, с. 375].*

Ой, бедный Джаттай, пусть из (лежащего) перед нами
Черного камня просочится вода.
Из-под земли, в которой ты лежишь, из твоей могилы
Пусть златорогий олень выйдет.

Пожелание «Пусть златорогий олень выйдет» связано с древними народными верованиями и символизирует возвышенные идеи о душах героев и праведников. В народной традиции существовало представление о том, что из могил злодеев и закоренелых преступников по ночам выходят черные кабаны, которые, хрюкая, бродят по кладбищам,

олицетворяя нечистую силу и мрак. Напротив, души героев и праведников, по народному представлению, воплощаются в образах золоторогих оленей, символизируя светлую и чистую духовность. Они не только выступают как эмблемы духовного величия и добродетели, но и являются знаком бессмертной славы тех, кто посвятил свою жизнь служению высокому моральному идеалу. Таким образом, данный образ несет в себе глубокое символическое значение, отражая народные представления о посмертной судьбе душ и их связи с моральным и нравственным порядком мира.

Сюда же примыкают историко-героические песни, содержащие благопожелания, связанные с концептом «рай».

Жаннет «рай» (от арабского слова *джаннат*, озн. «сады»¹) в исламской традиции символизирует обитель блаженства и вечного мира. Рай воспринимается как идеальное пространство, в котором верующий достигает вечного счастья, освобождения от страданий, болезней, печали и смерти. В рамках исламской доктрины Рай существует как уже свершившаяся реальность, и просьба о прощении грехов и обеспечении доступа в рай без мучений является важным благопожеланием, имеющим глубокое религиозное и духовное значение. Оно отражает центральные ценности исламской веры, связанные с надеждой на обретение духовного спасения и вечного покоя.

В историко-героических песнях пожелание о даровании входа в рай без мучений используется как форма почтения к героям и праведникам, признания их высоких моральных качеств и служения идеалам добродетели. Одним из таких выражений является фраза «*Жаннетли болсун!*» – «Да удостоится раем!», которая в различных вариантах может звучать как «*Жаннетли болсунла!*» – «Пусть покоятся в раю!» или «*Жаннетлени жети эшиги бош болсун!*» – «Пусть семь райских врат будут открыты перед ним!». Эти благопожелания отражают связь идеалов праведности и героизма с духовным вознаграждением в загробной жизни, служа важным элементом культурной и религиозной идентификации, а также выражают уважение к заслугам личности в контексте моральных и этических ориентиров общества.

*Жаннетли болсун Тебердиде ыйых эфенди,
Алтын бла жазылсын элине ол этгени* [14, с. 14].

Да пребудет в раю Тебердинский святой мулла,
Пусть золотом будет написано то, что он сделал для своего села.

Благопожелание, выраженное в форме фразы «*Пусть золотом будет написано то, что он сделал для своего села*», подчеркивает значимость памяти о добрых деяниях и заслугах человека, которые остаются актуальными и ценными на протяжении длительного времени. Слова «*Алтын бла жазылсын*» – «Пусть будет написано золотом» символизируют непреходящую ценность поступков, ставших основой народной памяти и моральных ориентиров. Сравнение с золотом, которое, несмотря на внешние загрязнения, сохраняет свою суть и ценность, отражает глубоко укорененные в народной культуре представления о настоящих человеческих ценностях – добродетели, честности и самоотверженности. В данном контексте *золотое написание* символизирует не только долговечность воспоминаний о выдающихся поступках, но и неизменность моральных ориентиров, на которых строится общественное сознание.

Здесь интересно отметить, что в фольклоре карачаевцев и балкарцев нередко встречаются фразы «*Жаннетни жети эшиги ачылсын!*» – «Пусть откроются семь врат рая!», «*Жаннетни жети къатысында тынчайсын!*» – «Пусть покоится в семи покоях / уровнях

¹<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%82>

рая!», что представляет собой благопожелание, направленное на достижение духовного вознаграждения.

В историко-героических песнях часто встречаются благопожелания, произносимые близкими людьми, когда они провожают своих мужей, сыновей или братьев на подвиги. Напутственные слова не только выражают эмоциональную поддержку, но и служат важным элементом в формировании моральной и духовной составляющей народного эпоса. Благопожелания в таких контекстах становятся своеобразным актом передачи надежды и благословения, отражая силу родственных и социальных уз, а также подчеркивают важность духовной связи с родиной и предками. Они призваны укрепить моральный дух героев, подготавливая их к испытаниям, и в то же время служат символом любви, уважения и признательности за их готовность приносить себя в жертву ради благополучия и защиты своего народа.

*Арымасын кылыч тутхан кьолугъуз,
Жауну кырып, бетжалада солугъуз,
Тангдан алгъа жау аллына чыгъыгъыз,
Бирден атып, ийнаралны джыгъыгъыз!* [Там же, с. 116–117].

Пусть устали не знают ваши руки, держащие сабли,
Перебив врагов, отдыхайте в укрытиях,
Выходите навстречу неприятелю до рассвета,
Стреляя залпами, свалите генерала!

Эти пожелания могут быть восприняты как выражение коллективной моральной ответственности, ведь они не только поддерживают личные стремления героя, но и связаны с общей судьбой народа. Посредством благопожеланий, как правило, выражают веру в героизм и моральное величие тех, кто отправляется на борьбу, надежду на их возвращение с победой. Если обратиться относительно указанного действия к опыту других национальных литератур, то нетрудно заметить очевидное разнообразие форм проявления благопожелания: к примеру, в калмыцкой художественной словесности отмечен «дорожный йорял (благопожелание. – Ж.Л.), сказанный стариками молодежи, но уже без прямого воспроизведения речи: Хотнас йовсн кевуд / Хортан дархар харла. / Хаалһинь көгшд йөрэж / Халун үгэн келлэ («Ребята из селения отправились бить врага. Старики, благословляя их в дорогу, сказали сердечные слова»)» [17, с. 407].

Благопожелания, встречающиеся в карачаево-балкарских историко-героических песнях, могут отражать и глубокие патриотические чувства народа, выражающие надежду на силу и процветание родины. Эти пожелания также акцентируют важность гордости за свою страну, уважения к ее истории и культуре, а также стремления к светлому будущему. Песни служат выражением национальной идентичности и патриотизма, поддерживая идеалы общественного единства и духовной преемственности:

*Къралыбыз тынчайып, баш кырал болсун,
Хар кырылны башчысы болсун.
Хар джюрюген сабийибиз башчы болсун.
Бу къууанчны юсюнде тилеген тилегибиз къабыл болсун* [15, с. 132].

Пусть наша страна, обретя покой, станет самой главной страной,
Пусть она будет во главе всех стран.
Пусть каждый наш бегающий ребенок станет предводителем,
Пусть сбудутся пожелания, которые мы произносим на этом празднике.

Таким образом, исходя из изложенного, можно констатировать, что благопожелания являются не только выражением личной или коллективной благожелательности, но и важным инструментом формирования общественной моральной оценки, представления о нравственно ориентированных идеалах и социально одобряемых формах поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что благопожелания и проклятия в сознании человека обладают значительной психологической и эмоциональной силой, оказывая влияние на внутренний мир как тех, кто их произносит, так и тех, кто их воспринимает. Эти формы словесного воздействия не только представляют собой выражение эмоциональных состояний, но и становятся важными элементами социальной коммуникации, играющими роль в моральной и духовной регуляции поведения.

В традиционном обществе, где коллективные ценности и нормы имеют особое значение, благопожелания и проклятия служат не только средством выражения личных чувств, но и инструментом влияния на общественные отношения. Пожелания добра или зла могут усиливать чувство социальной солидарности или, наоборот, угрожать социальной гармонии. Например, благопожелания типа «Да удостоится раем!» не только символизируют почтение и уважение к человеку, но и укрепляют веру в идеалы справедливости и моральной вознагражденности.

В историко-героических песнях рассмотренные паремические фразы не только подчеркивают моральные ориентиры и ценности народа, но и действуют как мощные средства воздействия на коллективную память. Влияние этих слов не ограничивается только личной сферой, но распространяется на более широкие культурные и социальные процессы, определяя нормы и установки общества на протяжении поколений.

Алгыши и *каргыши* в историко-героических песнях, в отличие от их изначального обрядово-религиозного значения, утрачивают свою связь с заговорной поэзией. В этих произведениях они становятся неотъемлемой частью эмоционального напряжения, возникающего в моменты душевного подъема или всплеска чувств, что обусловлено конкретными событиями или жизненными обстоятельствами, выражают не просто религиозные или магические обращения, но прежде всего отражают морально-этическую оценку происходящего. В этих контекстах благопожелания содержат просьбы о даровании человеку благополучия, материальных ценностей, удачи или же, наоборот, о наказании тех, кто нарушает моральные нормы или совершает несправедливые поступки. Это превращает благопожелания и проклятия в средства, с помощью которых народ выражает свои надежды, протесты и оценку происходящего. В историко-героических песнях они становятся инструментами формирования и поддержания моральных ориентиров, идеалов народа. Использование данных вербальных моделей не только обогащает словарный запас, но и значительно усиливает образность и выразительность произведений. Другими словами, в историко-героических песнях эти жанры становятся ключевыми индикаторами социального и эмоционального контекста, в котором формировались и развивались народные представления о мире, справедливости, жизни и смерти. Через них можно проследить трансформацию взглядов на важнейшие исторические события и процессы, а также понять, как народ воспринимал изменения в своей жизни и судьбе. Они также служат своеобразным мостом между прошлым и настоящим, перенося нас в другие эпохи, знакомя с духовным и социальным обликом людей тех времен, раскрывая глубокую тайну историко-героических песен, где музыкальные и словесные формы сливаются в единое целое, аккумулирующее в себе память о народной истории и культуре.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что проклятия и благопожелания в историко-героических песнях выполняют особую эмоционально-смысловую функцию, становясь неотъемлемыми элементами художественной структуры произведений. Они являются завершенными и цельными в идейном, сюжетном и композиционно-стилевом отношении, вносят значительный вклад в формирование общего содержания песни, сохраняя при этом динамичную связь с основными темами произведений, выступая выразительными средствами передачи моральных и духовных ценностей, присущих героическим эпopeям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Локьяева Ж. М.* Историко-культурное и нравственно-этическое значение карачаево-балкарских историко-героических песен // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 4. С. 470–480. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-470-480
2. *Узденова Ф. Т.* Понятие воинской чести в системе этико-эстетических представлений народов Северного Кавказа // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. статей. Владикавказ, 2012. С. 257–261.
3. *Малкондуев Х. Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 218 с.
4. *Малкондуев Х. Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII в.). Нальчик: Печатный двор, 2015. 312 с.
5. *Хубиев М. А.* Карачаево-балкарские народные песни советского периода. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1968. 185 с.
6. *Ортабаева Р. А.* Карачаево-балкарские песни. Традиционное наследие. Черкесск: Карач.-Черкес. отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1977. 78 с.
7. *Рахаев А. И.* Песенная эпика Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 168 с.
8. *Кетенчиев М. Б.* О языке историко-героической песни «Сын Темиркана Ачемез» // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. Нальчик: Принт Центр, 2021. С. 132–137.
9. *Бегиев А.* Шагъатлыкъ этеме (Свидетели живые: Песни-плачи, стихотворения, лирические песни). Нальчик: Эльбрус, 2004.
10. *Берберов Б. А.* Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943–2000 гг.). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2011. 215 с.
11. *Кетенчиев М. Б., Додуева А. Т., Мизиев А. М.* Особенности вербализации депортации 1943–1957 гг. в карачаево-балкарской народной лирике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 112–119. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-1-112-119
12. *Узденова Ф. Т.* Депортация (1943–1957) в художественной литературе карачаевцев и балкарцев // Труды Института истории НАН Азербайджана. 2018. № S70. С. 482–486. DOI: 10.18411/702018486491
13. *Ханинова Р. М.* Жанр харал в калмыцкой поэзии XX в. // Монголоведение (Монгол судлал). 2022. Т. 14. № 2. С. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440
14. Аланский историко-героический эпос / сост., пред. и коммент. М. Ч. Джуртубаев. Т. 3. Нальчик: Тетраграф, 2015. 400 с.
15. Къарачай халкъ джырла (Карачаевские народные песни) / сост. С. А. Гочияева, Р. А.-К. Ортабаева, Х. И. Сюйюнчева: на карач. яз. М.: Вост. лит., 1969. 278 с.
16. *Локьяева Ж. М.* Проклятия как жанр карачаево-балкарского фольклора // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 3(95). С. 114–121. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-3-95-114-121

17. Ханинова Р. М. Жанр йорял в калмыцкой поэзии XX в. (по материалам газетной периодики 1930–1940-х гг.) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 397–413. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-397-413

REFERENCES

1. Lokyaeva Zh.M. Historical, cultural, moral and ethical significance of the Karachay-Balkar historical and heroic songs. *Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya»* [Electronic journal “Caucasology”]. 2023. No. 4. Pp. 470–480. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-470-480. (In Russian)
2. Uzdenova F.T. The concept of military honor in the system of ethical and aesthetic ideas of the peoples of the North Caucasus. *Nartovedeniye v XXI veke: Sovremennyye paradigmy i interpretatsii* [Nartosience in the XXI century: Modern paradigms and interpretations]: collection scientific articles. Vladikavkaz, 2012. Pp. 257–261. (In Russian)
3. Malkonduev Kh.Kh. *Poetika karachayevo-balkarkoy narodnoy liriki* [Poetics of Karachay-Balkarian folk lyrics]. Nalchik: El-Fa, 2000. 218 p. (In Russian)
4. Malkonduev Kh.Kh. *Istoriko-geroicheskiye pesni karachayevo-balkarskogo naroda (konets XIV–XVIII v.)*. [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkarian people (the end of the XIV–XVIII centuries)]. Nalchik: Pechatnyy dvor, 2015. 312 p. (In Russian)
5. Khubiev M.A. *Karachayevo-balkarskiye narodnyye pesni sovetskogo perioda* [Karachay-Balkarian folk songs of the Soviet period]. Cherkessk: Stavrop. kn. izd-vo, 1968. 185 p. (In Russian)
6. Ortabayeva R.A. *Karachayevo-balkarskiye pesni. Traditsionnoye naslediye* [Karachay-Balkar songs. Traditional heritage]. Cherkessk: Karach.-Cherkes. otd-iyе Stavrop. kn. izd-va, 1977. 78 p. (In Russian)
7. Rakhaev A.I. *Pesennaya epika Balkarii* [Song epic of Balkaria]. Nalchik: El'brus, 1988. 168 p. (In Russian)
8. Ketenchev M.B. *O yazyke istoriko-geroicheskoy pesni «Syn Temirkana Achemez»* [About the language of the historical and heroic song “Son of Temirkan Achemez”]. In: *Fol'klornyy tekst: rubezh tysyacheletiy* [Folklore text: the turn of the millennium]: Collection of articles. Nal'chik: Print Centr, 2021. Pp. 132–137. (In Russian)
9. Begiev A. *Shagatlyk eteme (Living Witnesses: Crying songs, poems, lyrical songs)*. Nalchik: Elbrus, 2004. (In Karachay-Balkar)
10. Berberov B.A. *Tema narodnoy tragedii i vrozhdeniya v karachayevo-balkarskoy poezii (na materiale ustnoy i pis'mennoy slovesnosti 1943–2000 gg.)* [The theme of folk tragedy and rebirth in Karachay-Balkar poetry (based on the material of oral and written literature 1943–2000)]. Nalchik: Izd. otdel KBIGI, 2011. 215 p. (In Russian)
11. Ketenchiev M.B., Dodueva A.T., Miziev A.M. Features of verbalization of deportation 1943–1957 in Karachay-Balkar folk lyrics. *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2020. No. 1. Pp. 112–119. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-1-112-119. (In Russian)
12. Uzdenova F.T. Deportation (1943–1957) in the fiction of Karachais and Balkars. *Trudy Instituta istorii NAN Azerbaydzhana* [Proceedings of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan]. 2018. No. S70. Pp. 482–486. DOI: 10.18411/702018486491. (In Russian)
13. Khaninova R.M. The Haral genre in Kalmyk poetry of the twentieth century. *Mongolovedeniye (Mongol sudlal)* [Mongolian Studies (Mongol Sudlal)]. 2022. Vol. 14. No 2. Pp. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440. (In Russian)

14. *Alanskiy istoriko-geroicheskiy epos / sost., pred i komment. M.Ch. Dzhurtubayev* [Alan historical and heroic epic / comp., prev. and comment. M.Ch. Dzhurtubayev]. Vol. III. Nalchik: Tetragraf, 2015. 400 p. (In Karachay-Balkar)

15. Karachai folk songs / comp. S.A. Gochiyeva, R.A.-K. Ortabaeva, H.I. Syuyuncheva. M.: Vost. lit., 1969. 278 p. (In Karachay-Balkar)

16. Lokyaeva Zh.M. Curses as a genre of Karachay-Balkarian folklore. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2020. No. 3(95). Pp. 114–121. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-3-95-114-121. (In Russian)

17. Khaninova R.M. The yoryal genre in Kalmyk poetry of the twentieth century. (based on materials newspaper periodicals of the 1930s–1940s). *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No 2. Pp. 397–413. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-397-413. (In Russian)

Финансирование. Исследование проведено без спонсорской поддержки.

Funding. The study was performed without external funding.

Информация об авторе

Локьяева Жаухар Магомедовна, мл. науч. сотр., сектор карачаево-балкарского фольклора, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

lokyayeva.zh@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>, SPIN-код: 8416-9163

Information about the author

Zhauhar M. Lokyaeva, Junior Researcher, The Karachay-Balkar Folklore Sector, Institute of Humanitarian Researches – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

lokyayeva.zh@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1599-4397>, SPIN-code: 8416-9163